

Исследование языка и фольклора русской культурной зоны

ИМРЕ ПАЧАИ

PACSAI Imre, BGyTF Orosz Tanszék, Nyíregyháza, Sóstói út 31/b, H-4400

Abstract: The Finno-Ugric and Turkish population living in the Volga Region made an important impact on the characteristics of Russian language and culture. The importance of this theme was first pointed out by Trubetzkoy (1927) when researching the roots of Russian culture. The comparative and confrontative method of research contributes to the analysis of this very complex system of relationships which aims to compare the similar elements of those languages which are not related and have differing features.

N. S. Trubetzkoy pointed out both the importance of the areal linguistic and sociolinguistic researches. The present comparative research aims to illuminate the system of relationships between Russian folk language and folk culture. This relationship has been illuminated in many respects: e.g. by V. V. Kolesov (1999) from the aspect of stylistics, by V. N. Telija (1996) and V. M. Mokienko (1999) from the aspect of phraseology. These researches support the methodological validity of the present approach.

Keywords: Russian phraseology, Volga Region, cultural and linguistic relationships, Russian language and culture, N. S. Trubetzkoy, V. V. Kolesov

Настоящая статья посвящена изучению сложного круга вопросов русской народной речи и фольклора. По мнению исследователей (Трубецкой 1927, Филин 1974, Ткаченко 1979, Баскаков 1979), в области русской народной культуры и народного языка существуют белые пятна, заслуживающие более углубленного исследования. В качестве недостатков исследований народной речи Ф. П. Филин (1974) отметил скудность письменных документов по сравнению с богатым материалом русского литературного языка. Изучая литературу, чтобы получить основную отправную точку для анализа обнаруженных нами проблем, мы убедились в том, что многие вопросы требуют более тщательного рассмотрения. Необходимо сказать о том, что сам термин «русская народная речь», использованный в работе по фразеологии В. П. Фелицыной и В. М. Мокиенко (ФМ), В. И. Далем в предисловии «Напутное», написанном к своему сборнику русских народных пословиц, а также русскими писателями С. Залыгиным (Рас 1978) и В. Ю. Трифоновым — не рассматривается в основных работах по стилистике. В работе «Русская разговорная речь» Е. А. Земской (1973) уделяется внимание лишь устной разновидности литературного языка. О более сложном характере данной проблемы нас убеждают как ожесточенные научные дискуссии о характере и корнях русского литературного языка, получившие глубокий анализ в работах Виноградова (1955) и Филина (1974), так и выводы по данному кругу вопросов Трубецкого (1927), Щербы (1957), Розенталя (1974).

Основной отправной точкой нашего исследования является статья «Верхи и низы русской культуры» Н. С. Трубецкого (1927), в которой четко рассматривается проблема взаимосвязи народной культуры и народного языка. Выдающийся русский лингвист пользуется самой современной методологией при изучении данного комплекса вопросов, которая полностью соответствует принципам «лингвокультурологии», изложенным в работе В. В. Воробьева (1997). Этим же фактом объясняется и то, что проблемы, изученные Н. С. Трубецким, вновь рассматриваются в разных аспектах в работах, вышедших в 90-е годы XX в. Центральным вопросом работ Корнилова (1994), Воробьева (1997), Колесова (1999) является дефиниция сущности и характера русской ментальности и изучение национального характера языковой картины мира, что свидетельствует об актуализации проблем, поставленных в работах В. Гумбольта и Н. С. Трубецкого. В дефиниции В. В. Колесова (1999, 148: «ментальность есть средство национального самосознания и способ создания традиционной картины мира, коренящейся в категориях родного языка») подчеркивается диалектическая связь между основными компонентами национальной ментальности, — что подтверждается и выводами Корнилова (1994) и Воробьева (1997).

В фокусе нашего исследования находится именно изучение русской народной ментальности, обнаруживающейся как в народном творчестве, так и в языковых категориях русской народной речи.

В работе В. В. Воробьева «Лингвокультурология. [Теория и методы]» подчеркивается актуальность изучения данной проблематики. При определении источников лингвокультурологии автор на первое место ставит фольклор, подчеркивая, что *«народное поэтическое творчество [...] является существенной частью национальной культуры русского народа, важным источником познания цивилизации и истории, отражением общественного сознания нации»* (Воробьев 1997, 56).

При определении объекта лингвокультурологического исследования, связанного с рассмотрением русской национальной личности, ученый освещает как сложный, малоисследованный и дискуссионный характер данной проблемы, так и центральный, доминирующий фактор национальной культуры и ее специфики.

По нашему мнению, недостатком вышеупомянутых работ по сравнению с трудами Н. С. Трубецкого является отсутствие досконального анализа тех конкретных историко-общественных факторов, которые были решающими в развитии русской культуры. В работе Н. С. Трубецкого тщательно рассматриваются контакты русского народа с покоренными Российской империей финно-угорскими и тюркскими народами, игравшими немаловажную роль в формировании русской национальной ментальности. О своеобразии русского фольклора говорится в трудах Й. Поливки (1932), К. Горалека (1962), Р. Якобсона (1982), подчеркивающих его резкое отличие от народного творчества других славянских народов, но не освещающих в необходимой мере причины резких расхождений. Интересно то, что Р. Якобсон был кол-

легой и близким другом Н. С. Трубецкого, описавшего конкретные исторические и социальные стороны вышеупомянутых особенностей русской народной ментальности.

Освещая специфику русской народной ментальности, духовные корни которой определяются православными традициями, В. В. Колесов (1999) подчеркивает различие между западной и восточной культурами. Его выводы отражают элементы теории Н. С. Трубецкого (1927) о существовании русской культурной зоны, которая имеет более интенсивные связи с Востоком, нежели с народами Западной Европы. По мнению Трубецкого, границы русской культурной зоны отделяют русскую культуру от культуры других славянских народов. Результаты исследования И. Поливки (1932) и К. Горалека полностью соответствуют выводам Н. С. Трубецкого об ареальных свойствах русского фольклора и русской народной культуры.

В настоящей работе рассматриваются вопросы, связанные с теорией Трубецкого (1927) о влиянии русской культурной зоны, определяющей в значительной мере специфику русской народной ментальности.

Одним из типических языковых элементов, с большой частотностью использованных как в языке фольклора, так и в русской народной речи, в произведениях писателей-реалистов, оказались парные слова. При микролингвистическом исследовании данной специфической структуры русского народного языка обнаружились интересные факты, которые касаются сложного круга вопросов.

В результате исследования парных слов в языке славянского фольклора можно установить, что они типичны в первую очередь для языка русского народного творчества и языка, звучавшего в произведениях писателей-реалистов П. И. Мельникова-Печерского, М. Горького, М. Шолохова, В. Шукшина, С. Залыгина, В. Белова, В. Распутина и других. При изучении парных слов обнаружились следы неславянских влияний, содействующих возникновению и распространению данных чуждых языковых категорий в русском языке. Посредством сопоставленного исследования мы смогли обнаружить ареальный характер парных слов в русском языке. Центром данного ареала оказался Волжский бассейн, что вполне соответствует суждениям Н. С. Трубецкого о расположении центра русской культурной зоны. Нас интересовали также и среднеазиатские туркские языки, китайский и хинди. Результаты сопоставления русских и восточноевразийских структур также соответствуют выводам Н. С. Трубецкого о соприкосновении русской культурной зоны с Востоком.

Кроме данных структур, можно выделить общие особенности того пласта языка, который используется в произведениях вышеупомянутых авторов. Следует подчеркнуть тот немаловажный факт, что подобные единицы языка практически не обнаруживаются в языке «городских» писателей XX в. Пристального внимания требуют категории русской народной речи, ведь в них кроме социолингвистических свойств проявляются своеобразные ареальные влияния. Важным аспектом лингви-

стической науки является изучение языка в развитии, когда его категории более ярко обнаруживают особенности своего построения.

Н. С. Трубецкой (1927) указывает на соприкосновение русской культуры с традициями и культурой уральских и алтайских народов, что отражается и в семантических цепочках, обнаруженных нами в эквивалентах парных слов в русском и восточноевразийских языках. Семантические параллели парных слов в разных языках ареала, часто не имеющих ни родственных связей, ни сходных типологических свойств, свидетельствуют не только об их общем виде деривации, но и о следах культурных связей. В языках восточноевразийского ареала с большой частотой используются парные слова, компоненты которых связаны с семантическим полем лексем, обозначающих 'здоровье', 'благополучие', 'невредимость', 'сохранность', 'жизнь'.

При этимологическом анализе русской фразеологической структуры *подобрать-поздорову* в словаре В. П. Фелицыной и В. М. Мокиенко (ФМ 105) подчеркивается древний характер данного парного слова. Его компоненты *добрь* и *здравь* в древнерусском языке означали 'в целости и сохранности после сражения, без ран и увечий'.

О существовании семантической цепочки парных слов, построенных из компонентов, имеющих общие корни, свидетельствуют сложения: казах. *аман-есен* 'здоровый, благополучный' < *аман* 'здоровый, благополучный, невредимый' (КазРС 33) + *есен* 'благополучный' (КазРС 125); башк. *исён-аман* 'живой-здоровый, жив-здоров' (БРС 221) < *исён* 'живой и здоровый, жив и здоров' (БРС 221) + *аман* (БРС 32) 'целый и невредимый; живой и здоровый'; уйг. *аман-есин* 'благополучный, невредимый, здоров' (Кайд 136); кирг. *аман-эсен* (КиргРС 965). В башкирском *аман-һаулык* (БРС 32) обнаруживается компонент *аман* изучаемых структур. В татарском сложении *исән-сау* (ТатРС 178) 'здоровый, живой, жив-здоров, целый, невредимый' обнаруживается компонент *исән* (ТатРС 178) 'здоровый, живой, жив-здоров, целый, невредимый', имеющий общую этимологию с компонентом сложений *есен*. Второй элемент татарской структуры *сау* 'здоровый, невредимый, здоровый, || здорово; здраво' (ТатРС 471) входит в состав другого парного слова *сау-сәләмәт* (ТатРС 471) 'жив-здоров, в полном здравии'. Компонент *сәләмәт* (ТатРС 498) 'здоровый, невредимый' используется в следующих тюркских сложениях-эквивалентах: казах. *сау-саламет* (КазРС 457); уйг. *сақ-саламәт*, узб. *соғ-саломат* (Кайд 152); кирг. *соо-саламат* 'жив-здоров' (КиргРС 626); башк. *һау-сәләмәт* (БРС 729) 'здоровый, невредимый'. Казахское сложение *аман-сау* 'здоров и невредим' (КазРС 297) тоже относится к изучаемому нами семантическому полю, состоящему из рассмотренных лексических единиц.

Мордовские сложения: *шумбра-таза* 'здоровый' < *шумбра* (ЭРС 767) 1) 'крепкий, здоровый'; 2) 'сильный, крепкий' + *таза* (ЭРС 767) 'крепкий'; *шумбра-паро/-пара* 'крепкий, здоровый' < *шумбра* 'здоровый' + *паро/пара* 'хороший' (ГМЯ 132); *шумбрасто-парсте* (ЭРС 768) 'в целости и сохранности'; *шумбрат-парт* (ЭРС 768) 'здоровье (пожелание)'.

В русской народной стихии значение здоровья, благополучия выражается использованием конструкции *жив-здоров*, эквиваленты которого представлены в тюркских языках. В частности в романе М. Шолохова «Тихий Дон» наблюдается высокая частотность использования данной структуры, что свидетельствует о ее широком распространении в русской народной речи.

«Наталья с внуками как? **Живы-здоровы?**» (Шол II 65); «Здравствуй, сват! **Живой-здоровый?**» (Шол II 96); «Супруга ваша **живая-здоровая?**» (Шол III 60); «Наталяшка **жива-здорова?**» (Шол III 140); «Детушки **живы-здоровы**» (Шол IV 422); «**Живой-здоровый он?**» (Шол IV 249); «**Бог даст, живых-здоровых увидим**» (Шол IV 33).

Общеизвестные формулы русского речевого этикета «Здравствуй!», «Здравствуйте!» и формула «Здорово!», которая относится к просторечию, и используется как приветствие в значении «Здравствуй!», отражают не только менталитет культурной зоны, но и обнаруживают влияние определенной языковой структуры, служившей моделью при образовании сходных речевых формул.

Данным словам соответствуют структуры в тюркских языках, имеющих непосредственную или более удаленную связь с русской культурной зоны: казах. *аман-есен бе?* 'ты здоров? здравствуй!' (КазРС 33), *Сау бол!* (КазРС 457) 'будь здоров!'; тат. *сау бул* (ТатРС 471) 'будь здоров!, до свидания!, прощай!'; башк. *һау булығыз* (БРС 729) 'будь(те) здоров(ы)!, до свидания!, *иҫән бул!* (БСР 221) 'будь здоров!; до свидания!'; тур. *şen ve esen kaliniz!* (ТурРС 278) 'будьте здоровы и счастливы!'.

В финно-угорских языках также обнаруживаются эквиваленты рассмотренных формул речевого этикета: морд. э.: *ульть шумбра* (ЭРС 767) 'будь здоров!, до свидания!', *шумбрат* 'здравствуй!' (ЭРС 768) *шумбрачи* (ЭРС 768) '1) здоровье; 2) пожелание здоровья и счастья'; мар. *эсен улыда!* (МРС 454) 'здравствуйте!'; *эсен лийза!* (МРС 454) 'будьте здоровы!'; *таза лийза!* (МРС 321) 'будьте здоровы!'.

С точки зрения ареальной лингвистики не менее важно использование слов *эсен* 'здоровый' и *таза*, заимствованных из тюркских языков, в которых образуется ряд параллельных по значению структур для выражения приветствия и дорогого желания. Также заслуживает пристального внимания семантико-структурное и функциональное соответствие русского выражения *Будь здоров!* (Ож 198) 'приветствие при прощании', тат. *Сау бул!*, казах. *Сау бол!*, башк. *иҫән бул!*, мар. *эсен улыда!*, морд. *ульть шумбра!*, используемых в качестве формулы прощания.

Соприкосновение русского народа с народами изучаемой нами культурной зоны отражается и в образном, метафоричном выражении явлений душевного мира. В русских народных песнях мы нашли следующие примеры: «У молодца, у парнишка **живот-сердце бьетца**» (Кир. 146/ 306); «Сударочки найдеть — **живот-сердце мреть**» (Кир. 254/555); «**живот-сердце нарывана**» (Писемский, НСП 314). При помощи парного слова *живот-сердце* образно передается сущность понятия «душа», что свидетельствует как о специфическом, образном характере языка фоль-

клора так и ареальном характере этой структуры. О широком использовании данного приема свидетельствуют сходные по смыслу структуры в финно-угорских и тюркских языках: удм. *кӧтья-сюлэмъя* (УРС 218) 'по душе, по сердцу' < *кӧт* (УРС 217) 'живот' + *сюлэм* (УРС 406) 'сердце'; мар. *шӱм-мокиш* (МРС 434) < *шӱм* (434) 'сердце' + *мокиш* (192) 'печень'; морд. *седейсть-максот* (Э) / *седихть-максот* (М) (ГМЯ 132) 'внутренности' < *седей/седи* 'сердце' + *максо/макса* 'печень'; уйг. *жүрәк-бағри* (Кайд 143) 'внутренности' < *жүрәк* 'сердце' + *бағир* 'печень'; тур. *ciğer* (ТурРС 156) 'печень' обладает и переносным значением 'душа, сердце', о чем свидетельствуют лексемы, образованные от слова *ciğer* (*ciğergâh* (ТурРС 156) 'душа, сердце'; *ciğergûşe* (156) 1. 'любимый (человек)'; 2. 'любимое дитя'; *ciğerduz* (156) поэт. 'терзающий (изводящий) душу'; *ciğerdar* (156) 'смелый, храбрый, мужественный'). В татарском языке слово *бавыр* (ТатРС 51) 'печень' тоже имеет подобное значение (*бала – бавыр ите* 'ребенок близкий к сердцу'). Семантические корреляции связанные с образным изображением душевного мира, также свидетельствуют о влиянии культурной зоны и соприкосновении русских с восточными народами.

Уже на нескольких примерах, взятых из фонда нашего лексикологического исследования, можно убедиться в реальности выводов Н. А. Баскакова (1979), который считает необходимым более углубленное изучение парных слов в русском языке, а также русских фразеологических единиц, отражающих соприкосновение русского народа с соседними неславянскими народами. При изучении литературы по этимологии русских фразеологизмов я нас была возможность убедиться в малоизученном характере данной области лингвистики. В работе Н. М. Шанского, В. И. Зимина, А. В. Филиппова «Опыт этимологического словаря русской фразеологии» (1987) уделяется большее внимания изучению западных, античных и библейских влияний в возникновении определенных русских фразеологизмов, нежели исследованию фразеологизмов, возникших под влиянием соприкосновения русской культуры с традициями степных народов.

Результаты нашей конфронтативной работы подтверждают инициативу О. Б. Ткаченко (1979), первым обратившего особое внимание на сопоставительное исследование данных структур русского народного языка. Посредством досконального анализа зачина русской народной сказки «*жил-был*» он убедительно доказал неславянский характер данного вида деривации в аспекте исторической фразеологии.

В результате сопоставительного исследования особенностей фольклора русской культурной зоны обнаруживаются, кроме парных слов, и другие специфические языковые средства, типичные для языков упомянутых неславянских народов. В сборнике русских народных пословиц В. Даля, следует выделить конструкции типа «*слыхом не слыхать, видом не видать*», которые в лингвистике названы термином *figura etymologica*. Данный вид словосочетания типичен для языков Ближнего Востока, уральских и алтайских народов. Некоторые структуры

проникли в европейские языки под влиянием языка библии, отражающего корни восточной культуры.

При изучении пословиц народов, живущих на территории русской культурной зоны, обнаружили структуры, явно отражающие их непосредственные связи. С точки зрения ареальной лингвистики достойны внимания пословицы из сборника В. Даля: «**Баи на баи**» (Д II 38); «**Талан на майдан**» (Д II 209); «**Лежачего не бьют**» (от кулачных боев) (Д I 130); «**Лежачего не бьют. Аман да пардон уважай**» (Д I 117); «**Кто кричит аман, а кто атлан**» (Д I 358). Данные пословицы достойны внимания, ведь в них используются иноязычные слова (*аман, атлан, баи, майдан, талан*), заимствованных из языков изучаемого нами ареала. Не менее интересны вышеупомянутые пословицы как с точки зрения ареальной лингвистики, так и исторического анализа фразеологизмов.

Эквиваленты русской пословицы «**Лежачего не бьют. Аман да пардон уважай**» (Д I 116) отражают стихию и ментальность жителей изучаемого региона: тат. «*егылганны кыйнамыллар*» (ТатРС 145) 'лежачего не бьют'; туркм. «*гачаны ковужы болма*» (ТуркмРС 166) 'не гонись за тем, кто обратился в бегство'; «*Кто просит пощады, того не бьют*». (ТуркмП 95); «*И бегущему дай пощаду*» (ТуркмП 94). Данные пословицы связаны с богатырскими эпосами степных народов. Турецкая пословица по своему содержанию также органически связана с ними: «*yerdeki yüze basılmaz*» (ТурРС 924) 'на лицо лежачего на земле не наступают'.

Необходимость сравнительного исследования русских фразеологизмов, по мнению Мокиенко (1999), является важной задачей данной дисциплины. Проблемы исследования истории фразеологизмов, рассмотренные в работе В. М. Мокиенко, обнаруживаются и в процессе данного сопоставительного исследования. В синхронном аспекте работы лишь вторичные данные дают информацию о распространении общих мотивов. Исследователь должен пользоваться всеми данными, относящимися в том числе и к другим научным дисциплинам.

При изучении этимологии русской пословицы «**Лежачего не бьют**» нельзя не признать толкование В. И. Даля, согласно которому пословица связана с событиями кулачных боев, но все-таки при этом необходимо учитывать и исторический фон, на который указывается в работе Трубецкого. Другую важную дополнительную информацию дает сборник В. И. Даля, в котором совместно с данной структурой зафиксирована пословица «**Лежачего не бьют. Аман да пардон уважай**» (Д I 117). Тюркское слово *аман* ассоциативно связывается с параллельными восточными структурами. В традициях богатырского эпоса также немаловажную роль играла борьба героев, которая сохранилась как в богатырских песнях, так и в мифологических сказках данного ареала. Корни этого вида развлечений уходят на Восток, и наверно укоренились на Руси вследствие соприкосновения с алтайскими народами и персидской культурой. Персидская пословица «*Не мужское дело бить лежачего*» (ПП IV, 252) подчеркивает именно этическую сторону поведения борцов.

О враждебном отношении «верхов» русского общества к кулачным боям мы получаем важную информацию в работе А. С. Фаминцына «Скоморохи на Руси» (1889). В грамоте царя Алексея Михайловича, цитируемой автором упоминается о запрете кулачных боев вместе другими видами деятельности скоморохов: «...богомерзких и скверных песней не пели, и сами не плясали и в ладони не били, и всяких бесовских игр не слушали, и **кулашных боев** меж себя не накладывали...» (Фаминцын 1889, 185).

С точки зрения определения социокультурного характера этого вида развлечений, служащей центральным мотивом картины русской пословицы, данная информация чрезвычайно важна. Кулачный бой запрещается совместно с другими видами развлечений, устраиваемых скоморохами.

Русская пословица «Покорной головы меч не сечет» (Ож 455) по своему содержанию близка к вышеупомянутым пословицам-эквивалентам. Сущность ее содержания также связана с «помилованием», с прощением побежденного. Данная русская пословица имеет эквиваленты в языках изучаемого ареала: тат. «*мелгэн баилы кылыч кисмес*» (ТатРС 162) 'покорной головы меч не сечет'; чув. «*тайма пуза хёс витмен*» (ЧРС 468) 'повинную голову меч не сечет'; кирг. «*ийилген баиты кылыч кеспейт*» (КиргРС 296) 'покорной головы меч не сечет'; тур. «*atana kiliç olmaz*» (ТурРС 22) 'повинную (голову) меч не сечет'; «*eğilen baş kesilmez*» (ТурРС 261) 'склоненную голову (меч) не сечет'.

Русской пословице «Цела ль голова, а шапку бог даст» (Д I 419), примыкающей к тематике «борьбы», соответствуют следующие тюркские фразеологизмы: тат. «*баи сау булса бурек табылыр*» (ТатРС 616) 'была бы голова целая, а шапка найдется'; узб. «*бош омон бўлса бўрк топилур*» (УзбРС 97) 'была бы голова, шапка найдется'; «*Голова цела – шапка будет*» (УзбП 65); туркм. «*Голова на плечах – шапка найдется*» (ТуркмП 140). (Слова *сау* и *омон* (аман), использованные в татарской и узбекской пословицах уже рассматривались выше при изучении парных слов). Соответствующая удмуртская пословица «*йырыд не вань, изы сюрроз*» (УдмРС 176); 'была бы голова, шапка найдется' подтверждает влияние региона.

Кочевые традиции отражаются и в следующих пословицах-кальках: русск. «*Не, купи двора, купи соседа. Не купи деревни, купи соседа*» (Д II 231); тур. «*er alma, komşu al*» (ТурРС 281) 'не выбирай дом, выбирай соседа'; узб. «*Ховли олма, қўшни ол*» (УзбРС 659) 'не покупай дом, купи соседа'; туркм. «*Не покупай дом, „купи“ соседа*» (ТуркмП 128); кирг. «*конуш алгыча, коңшу ал*» (КиргРС 402) 'не выбирай стоянку, выбирай соседа'; уйг. «*Uj almañ, hamsaj alañ*» (Kúnos 10) 'не покупай дом, купи соседа'.

С точки зрения лингвокультурологии также заслуживают пристального внимания пословицы, отражающие как менталитет народов изучаемого ареала, так и стилистические свойства их речевого этикета: русск. «*Твоими бы устами да мед пить*» (Д I 325); тат. «*авызына бал да*

май» (ТатРС 20) 'мед с маслом в твои уста' (говорится лицу, сообщившему приятно); башк. «*ауызына бал да май*» (БРС 56) 'в рот тебе мед да масло' (говорят тому, кто принес добрую весть); мар. «*умиашет уй да муй*» (МРС 365) 'в рот тебе масло и мед' (при ответе на радостное сообщение).

В заключение настоящей статьи мы можем установить, что в результате комплексного анализа вопросов, связанных со спецификой русской народной стихии, обнаружилось, что данные, заслуживающие пристального внимания. Совокупность структур, свойственных русской народной речи, мотивы фольклора и фразеологии, отражающие стихию русского народа, являются доказательствами теории Н. С. Трубецкого о существовании русской культурной зоны. Только при помощи исследования комплексного характера, предложенного в работах как О. Б. Ткаченко, так и В. В. Воробьева, возможно получить объективную картину о сложных, взаимосвязанных проблемах.

Проникновение и укоренение чуждых языковых структур может объясняться лишь длительными и интенсивными контактами русского народа с восточными народами и изменением интенсивности фильтрации языковых норм. Данное изменение непосредственно связано с преобразованием ментальности, которое отражается как в содержании культуры, так и в языковой модели мира. Чрезвычайно важными доказательствами вышеупомянутых языковых и культурных контактов являются кальки фразеологических единиц и пословиц. Они свидетельствуют об интенсивности и длительности этих многосторонних связей (Ньюмаркаи 1993).

Проблема проявления элементов общей языковой картины мира в неродственных языках подтверждает выводы исследователей культурных и языковых контактов. Исследования отражения действительности в языковой картине мира и ее связи с национальным менталитетом представляют важную задачу лингвистики, что подчеркивается выводами многих исследователей в конце XX в. (Бартминский 1990, Корнилов 1994, Воробьев 1997, Колесов 1999, Банчеровский 2000, Ньюмаркаи 2000) в аспекте лингвистики и культурологии.

Общие структуры языковой модели мира, свойственной языкам изучаемого нами региона, обнаруживаются на разных уровнях языка: в лексике, в морфологии и в синтаксисе, в фразеологии русской народной речи. В русском фольклоре используются как восточные элементы языковой модели мира, так и морфологические и стилистические мотивы народного творчества восточных народов, соприкасающихся с русским этносом. Постредством исследования проблем русской народной культуры и народной речи в аспекте разных разделов науки, обнаруживается конвергенция рассмотренных нами явлений, в основе которых лежит связь разных сторон данного комплекса вопросов.

Литература

- Баскаков Н. А. Русские фамилии тюркского происхождения. Москва 1979.
 Воробьев В. В. Лингвокультурология. Теория и методы. Москва 1997.
 Виноградов В. В. Проблема исторического взаимодействия литературного языка и языка художественной литературы: Вопросы языкознания 1955/4. 3-34.
 Земская Е. А. Русская разговорная речь. Москва 1973.
 Колесов В. В. Жизнь происходит от слова. Санкт-Петербург 1999.
 Корнилов О. А. Языковые модели мира как отражение национальных менталитетов. В кн.: Россия и Запад: диалог культур. Москва 1994.
 Мокиенко В. М. В глубь поговорки. СПб. 1999.
 Пропп В. Я. Фольклор и действительность. Избранные статьи. Москва 1976.
 Розенталь Д. Э. Практическая стилистика русского языка. Москва 1974.
 Телия В. Н. Русская фразеология. Москва 1996.
 Ткаченко О. Б. Сопоставительно-историческая фразеология славянских и финно-угорских языков. Киев 1979.
 Трубецкой Н. С. Верхи и низы русской культуры (1927): Вестник Московского университета. Сер. 9. Фил. 1991/1, 87-98.
 Филин Ф. П. Истоки и судьбы русского литературного языка. Москва 1981.
 Филин Ф. П. Об истоках русского литературного языка: Вопросы языкознания 1974/3, 3-13.
 Щерба Л. В. Избранные работы по русскому языку. Москва 1957.
 BANCZEROWSKI J. A nyelv és a nyelvi kommunikáció alapkérdései. Budapest 2000.
 BARTMIŃSKI J. Punkt widzenia, perspektywa, językowy obraz świata. Lublin 1990.
 HORÁLEK K. Studie o slovanské lidové poezii. Praha 1962.
 KÜNOS Ignácz. Adalékok a jarkendi (keletázsiai) törökség ismeretéhez. Budapest 1906.
 NYOMÁRKAY I. «Le cas du calque ... est plus complexe» (B. Unbegaun) (Über die Lehnübersetzungen mit besonderer Rücksicht auf das Kroatisch[serbisch]): Studia Slavica Hung. 38 (1993) 113-124.
 NYOMÁRKAY I. A világ nyelvi képe az idegen szavak tükrében egy horvát drámában: Magyar Nyelvőr 2000. 487-494

Условные сокращения источников

- БРС — Башкирско-русский словарь. Москва 1996.
 ГМЯ — Цыганкин Д. В. Грамматика мордовских языков. Саранск 1980.
 Д/П — Пословицы русского народа. Сборник В. Даля в двух томах. Москва 1984.
 КазРС — Казахско-русский словарь. Москва 1981.
 Кайд — Кайдаров А. Парные слова в современном уйгурском языке. Алма-Ата 1958.
 КиргРС — Киргизско-русский словарь. Москва 1965.
 Кир — Сборник народных песен П. В. Киреевского. Ленинград 1983.
 МРС — Марийско-русский словарь. Йошкар-Ола 1991.
 НСП — Русские народные песни, собранные писателями. Москва 1974.
 ПП — Персидские пословицы, поговорки и крылатые слова. Москва 1973.
 Ож — Ожегов С. И. Словарь русского языка. Москва 1987.
 Рас — Распутин В. Прощание с матёрой. Повести. Минск 1983.
 ТатРС — Татарско-русский словарь. Москва 1966.
 ТуркмП — Туркменские пословицы и поговорки. Ашхабад 1961.
 ТуркмРС — Туркменско-русский словарь. Москва 1968.
 ТурРС — Турецко-русский словарь. Москва 1977.
 УдмРС — Удмуртско-русский словарь. Москва 1983.
 УзбРС — Узбекско-русский словарь. Москва 1959.
 ФМ — Фелицына В. П., Мокиенко В. М. Русские фразеологизмы. Лингвострановедческий словарь. Москва 1990.
 ЧРС — Чувашско-русский словарь. Москва 1977.
 Шол — Шолохов М. Тихий Дон. Москва 1962.
 ЭРС — Эрзянско-русский словарь. Москва 1993.